

Исследования

АНАТОЛИЙ ПИНСКИЙ

Значение искренности: Федор Абрамов и первая «Оттепель», 1952–1954*

Начало первой советской «оттепели» в 1952 году было ознаменовано публикацией целого ряда художественных произведений и статей, по-новому подчеркивавших фигуру обычного гражданина как источника правды о советской действительности**. Ее окончание отмечено принятой в июле 1954 года резолюцией ЦК КПСС, осудившей наиболее откровенную работу этой краткой эры — эссе Владимира Померанцева «Об искренности в литературе» и три другие статьи, также появившиеся в журнале «Новый мир»***.

Цель настоящего эссе — уточнить определение «искренности», понятия, которое я употребляю для упрощенной передачи идеи о том, что советский гражданин являлся источником правды. Для этого я обращаюсь не только к опубликованным текстам, в частности, к статье Померанцева, но и к личным бумагам писателей и литературных критиков. Меня особенно интересует то, как искренность

* Впервые: Человек и личность в истории России, конец XIX–XX в. СПб., 2012. С. 598–612.

** См.: Овечкин В. Районные будни // Новый мир. 1952. № 9. С. 204–221; Берггольц О. Разговор о лирике // Литературная газета. 1953. 16 апреля. С. 3; Твардовский А. За далью даль // Новый мир. 1953. № 6. С. 59–83; Померанцев В. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. С. 218–245; Эренбург И. Оттепель: повесть // Знамя. 1954. № 5. С. 14–87. Для научной литературы, см. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Bloomington, 2000. P. 213–215.

*** См.: Лифшиц М. Дневник Маризетты Шагинян // Новый мир. 1954. № 2. С. 206–231; Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Там же. № 4. С. 210–231; Щеглов М. «Русский лес» Леонида Леонова // Там же. № 5. С. 220–241. В августе 1954 года Александр Твардовский, главный редактор «Нового мира», был уволен, и в сентябре журнал напечатал опровержение четырех статей. См.: Об ошибках журнала «Новый мир»: Резолюция президиума правления Союза советских писателей // Новый мир. 1954. № 9. С. 3–7.

проявлялась в частных мнениях как об официальных заявлениях ЦК, так и об основанных на них слухах.

Дневник советского писателя, члена партии Федора Абрамова, автора одной из разгромленных статей в «Новом мире» («Люди колхозной деревни в послевоенной прозе»), отличается особенной пронизательностью и информативностью и в том, что касается ответа на этот вопрос, и в том, что вкладывается в понятие «искренность» в целом. Большая часть данного эссе связана с анализом именно этого источника и, более конкретно, — пассажей, посвященных очерку Померанцева «Об искренности в литературе», статье самого Абрамова и нападкам, которым они подверглись*. Я буду настаивать на необходимости признать как консерватизм, так и прогрессивность «искренности». В частности, я намереваюсь показать, что для Абрамова искренность не противоречила, а напротив, была нацелена на литературное творчество, соответствующее соцреализму и миссии КПСС, такой, как ее понимал Абрамов. Тем не менее для Абрамова искренность выражения не требовала уподобления взглядам ЦК. В начале и середине 1950-х годов советский гражданин сделал небольшой, но очень важный шаг в сторону установления правды, не зависящей от партийного руководства.

Концепция искренности, какой она предварительно определена выше, возникла на фоне послевоенной трансформации соцреализма**. Поворотный момент в эстетическом развитии наступил в сентябре 1946 года, когда А. А. Жданов произнес знаменитую речь, в которой декларировалось, что Вторая мировая война определенно трансформировала советского человека. Для того чтобы воплотить перемену, объявленную Ждановым, советские писатели начали использовать то, что некоторые критики того времени называли «лакировкой действительности» и «теорией бесконфликтности». Соцреализм, всегда тяготевший к романтическому, теперь представлял совершенный мир. Если советский роман включал в себя «основополагающий сюжет», как утверждала в известном исследовании Катерина Кларк, в соответствии с которым положительные герои эволюционировали от стихийности к сознательности, то природа положительных героев и их отрицательных визави изменилась после 1946 года. Положительные герои стали более положительными

* Дневник Федора Абрамова (далее — ДФА). Копия дневника, на которую я опираюсь, находится в петербургской квартире вдовы Федора Абрамова, Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой. Хотелось бы поблагодарить Людмилу Владимировну за ее неоценимую помощь и за доступ к этому источнику.

** Иная концепция искренности бытовала во времена Сталина. См.: *Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, 2006. P. 108–109.

версиями своих довоенных прототипов. Отрицательные герои остались, но как жалкие подобиya своих предшественников*.

В последние сталинские годы советское руководство присоединилось к литературным критикам в том, что послевоенная литература превратно интерпретировала реальность и стала препятствием на пути прогресса социализма. В речи, обращенной к XIX съезду партии в октябре 1952 года, Г. М. Маленков, воспринимаемый на тот момент как преемник Сталина, раскритиковал художников и писателей, ответственных за «много посредственных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность». Маленков призвал их изменить свой подход к делу и «бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе», таким образом воодушевляя руководителей и обычных граждан на их преодоление и придание истории поступательного движения вперед**. На пленуме ЦК в сентябре 1953 года Н. С. Хрущев, первый секретарь ЦК, вторил призыву Маленкова в том, что касалось авторов литературы колхозной деревни, отмечая, что сельскохозяйственное производство выросло только на 10% по сравнению с 1940 годом***.

В 1952 и особенно в 1953 годах советская литература начала соответствующим образом изменяться. Однако не стоит воспринимать эту трансформацию только как реакцию на заявления Маленкова и Хрущева. Писатели реагировали на социально-экономический и культурный контексты: послевоенную стагнацию советского общества и неспособность литературы их отобразить. Более того, они выводили на первый план фигуру отдельного гражданина как источника правды об ошибках и несовершенствах советской жизни. Опубликованное в «Новом мире» в декабре 1953 года эссе Померанцева «Об искренности в литературе» — пример этого нового подхода. В нем писатели и критики осуждались за то, что автор называл неискренностью послевоенной литературы. Употребляя термин «неискренность», Померанцев никого не обвинял во лжи. Вместо этого он фокусировал внимание на вопросе личного эмоционального участия писателя в своей работе. Неискренность, писал Померанцев — это «деланность», то есть выражение, не рожденное душой или собственной мыслью автора. Формы неискренности

* *Hosking G.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. New York, 1980. P. 16–17; *Clark K.* The Soviet Novel. P. 191, 198–199.

** *Маленков Г. М.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б): 5 октября 1953 года. М., 1952. С. 113–115.

*** *Хрущев Н. С.* О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 года. М., 1953. С. 6, 7–10, 13, 17.

включали в себя «шаблон», то есть работу по установившемуся стандарту — практике, которая «отнимает действенность вещи и оставляет нас равнодушными». Еще хуже — они включали и то, что стали называть «лакировкой действительности», ведущей к «прямому неверию в литературное слово». Причины неискренности, считал Померанцев, различны, среди них — желание увидеть идеал в качестве реальности и неправильное понимание романтизма. «Степень искренности, то есть непосредственность вещи, — отмечал он, — должна быть первой меркой оценки». «Нам нужна не всякая искренность», — писал Померанцев, поясняя:

Писатель, как всякий живой человек, не избавлен от неправильных мыслей, от вкуса и оценок, рожденных данной минутой. Неподдельная искренность не есть еще объективная истинность. Искренней может быть и самая субъективная мерка, преходящее мнение. А искренность, которая приводила бы к правде жизни, к правде партийной, — это не настроение. Такая искренность больше. <...> Она требует напряжения, какого для неискренности или для настроения вовсе не нужно*.

Часть эссе Померанцева представляет собой очерк, написанный в соответствии с им самим сформулированными канонами, некую литературную азбуку. Очерк рассказывает о молодом следователе, отправленном в удаленный колхоз для расследования и составления отчета о председательнице колхоза, якобы занимающейся криминальной деятельностью. После прибытия и первой встречи с председательницей у следователя не возникает о ней ни единой отрицательной мысли. Напротив, он весьма впечатлен ее руководством. Однако несколько дней спустя он обнаруживает преступление. Оказывается, председательница открыто изготавливает и продает самогон. Она сообщает следователю, что занимается этим только для того, чтобы помочь колхозу. Эта деятельность, утверждает она, не вредит государству; она не только не теряет ни зернышка в процессе производства, но и не конкурирует с государственными предприятиями, которые не поставляют водку в ее дальний колхоз. Следователь не знает, что делать; он и предположить не мог, что, окончив расследование, будет так трудно установить правду и завершить отчет. Таким образом, он сам становится в некотором роде писателем, пытающимся быть искренним. «Разобраться в председателе <...> значило определить что-то для себя самого, — рассуждает он. — Разобраться в ней

* Померанцев В. Об искренности в литературе. С. 218–221.

можно было, только разобравшись в себе». После долгих раздумий он осознает, что часть того, что было «правдой» ранее, было не более чем временным настроением или первым впечатлением, и затем устанавливает партийную правду: то, что председательница торгует самогоном, — не ее «сущность», а «какая-то неправильность»*.

Утверждения, что «[с]тепень искренности <...> должна быть первой меркой оценки», ввели в заблуждение ранних исследователей того, что имел в виду Померанцев. Эдит Франкель, например, утверждала, что «основы соцреализма — народность, идейность, партийность — были проигнорированы, а значит, занимали более низкую ступень в системе ценностей Померанцева». «Определение искренности Померанцевым, — продолжает Франкель, — было необычайно похоже на требования, предъявляемые в 1920-х годах перевальцами, которые, — выражаясь словами другого исследователя (которого Франкель цитирует. — А. П.), — подчеркивали первейшую важность для писателя не “партийного духа”, а “духа человеческого”»**. Однако подобная интерпретация не совсем верна. Померанцев не собирался низводить соцреализм на второстепенные позиции. Он призывал к искренности не для того, чтобы сместить соцреализм, а для того, чтобы наполнить его принципами. Например, что касается партийности (мышления в духе партии или убежденности в том, что мысли и поступки индивидуума должны быть на благо партии), то отсылки самого Померанцева к XIX съезду партии как раз это и предлагают. «Руководство партии показало нам, — пишет он, ссылаясь на писателей, боящихся показать недостатки советской жизни, — как смешна и вредна угрюмая осторожность подобного рода»***.

Не похоже, что в упоминаниях о партии Померанцев притворяется: слишком уж пропитана его статья духом XIX съезда и пленума ЦК сентября 1953 года. Или, если угодно, Померанцев сам проникнут этим духом. Со своей стороны Александр Твардовский, главный редактор «Нового мира», и Марк Щеглов, автор четвертой статьи в серии «Нового мира», «Русский лес Леонида Леонова», придерживались похожих взглядов по поводу своих отношений с партией. В письме, адресованном президиуму ЦК в июле 1954 года и защищавшем Померанцева и автора трех других проблемных статей, Твардовский, который для многих современников олицетворял «Новый мир», писал о журнале следующее: «Никакой особой “ли-

* Там же. С. 221–228.

** Frankel E. R. *Novy mir: A Case Study in the Politics of Literature, 1952–1958*. Cambridge, 1981. P. 38–39.

*** Померанцев В. Об искренности в литературе. С. 220. См. также: С. 237–238.

нии” у “Нового мира”, кроме стремления работать в духе известных указаний партии по вопросам литературы, нет и быть не может»^{*}. В комментарии в своем дневнике критик Владимир Лакшин рассказывает об ощущении Щегловым чувства личной привязанности к «Правде», основному печатному органу партии: «Когда в газете появилась статья об ошибках “Нового мира”, Марк говорил сокрушенно: “Как понять, моя «Правда» по мне ударила?”»^{**}.

Ранние дневниковые записи Абрамова в начале 1954 года, посвященные статье Померанцева «Об искренности в литературе», поддерживают подобную интерпретацию значения «искренности». В ту пору преподаватель советской литературы в ЛГУ, все еще работавший над своим первым романом «Братья и сестры» (который будет опубликован в 1958 году), Абрамов делал небольшие изменения в статье «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», тогда носившей название «Огрехи на ниве “колхозной” литературы», уже предложенной им (точная дата неизвестна) «Новому миру»^{***}. Редакция журнала, по всей видимости, предварительно приняла статью к публикации, и, как результат, Абрамов внимательно следил за судьбой эссе «Об искренности в литературе», с которым его собственная статья имела некоторые сходства — прежде всего в том, что касалось критики лакировки действительности в послевоенной литературе.

Литературный истэблшмент напал на эссе «Об искренности в литературе» в январе, опасаясь, что Померанцев предоставил писателям слишком много полномочий для утверждения правды и тем самым бросил вызов его власти^{****}. Первой атакой была статья в «Литературной газете» от 30 января, обвинившая Померанцева в позиционировании абстрактной искренности выше партийности (интерпретация, с которой, кстати, увязывается трактовка Франкель)^{*****}. В феврале статья в «Знамени» повторила эти обвинения, добавив, что Померанцев выдвинул идеалистические теории, очернявшие историю советской литературы^{*****}. В марте газета «Комсомольская

* Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. 1989. № 7. С. 138–140 (7 июня 1954). Твардовский продублировал письмо, отправленное им в президиум ЦК.

** Лакшин В. Новый мир во времена Хрущева: дневник и попутное, 1953–1964. М., 1991. С. 17. Выделено в оригинале.

*** РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 6. Д. 542. Л. 1. По роману, см.: Абрамов Ф. Братья и сестры // Нева. 1958. № 9. С. 3–142.

**** Spechler D. Permitted Dissent in the USSR: Novy mir and the Soviet Regime. New York, 1982. P. 24–30.

***** Василевский В. С неверных позиций // Литературная газета. 1954. 30 января. С. 3.

***** Скорино Л. Разговор начистоту (По поводу статьи В. Померанцева «Об искренности в искусстве» [sic]) // Знамя. 1954. № 2. С. 165–174.

правда» выступила в защиту Померанцева. 17 марта в ней было опубликовано письмо от преподавателя МГУ, трех аспирантов и студента, которое признавало небольшие недочеты в эссе Померанцева, такие как «нечеткость многих важнейших положений, и прежде всего о партийности литературы», и то, что Померанцев выбрал неудачное выражение, утверждая, что «степень искренности произведения должна быть первой мерой оценки». Тем не менее авторы защищали Померанцева от обвинений, выдвинутых в его адрес статьями в «Литературной газете» и журнале «Знамя»*. 20 марта «Литературная газета» опубликовала ответ, «О богатстве искусства», под авторством ее редактора Бориса Рюрикова, повторявший ранее изложенные обвинения как в самой «Литературной газете», так и в «Знамени», и дававший отповедь авторам письма**.

В дневниковой записи от 21 марта Абрамов пишет, что он согласен со статьей Померанцева, к которой, как и у авторов письма в «Комсомольскую правду», у него только незначительные претензии. «И в самом деле, нельзя честному человеку, заинтересованному в успешном развитии нашей литературы, не радоваться статье [Померанцева], — пишет он о письме и ответе Рюрикова. — [Померанцев], хотя и расплывчато, но ратует за важнейший принцип искусства, его душу — правду, искренность. И что же, сторонникам спекулятивной линии в литературе и критике это не понравилось»***. Абрамов не уточняет, что он имел в виду под «расплывчато», но, по всей видимости, так как слово синонимично с «нечеткостью», это отголосок обсуждения партийности авторами письма. Ничто не указывает на то, что Абрамов считал, что, апеллируя к искренности, Померанцев ниспровергает соцреализм; качественный соцреализм и искренность для него неразделимы. «Неужели же Померанцев не знает, что партийность является решающим критерием в оценке произведения? — вопрошает Абрамов в своем дневнике в мае. — Да ведь он и об этом говорит. Разве призыв к изображению правды жизни противоречит принципу партийности? Статья Померанцева идет в русле партийности, но только он подходит к ней творчески, а не начетнически»****.

Эссе Померанцева не затрагивало напрямую вопрос о том, позволяла ли искренность советским писателям оспаривать лидерство партии в том случае, если оно отличалось от их понимания партий-

* Бочаров С., Зайцев В. и др. Замалчивая острые вопросы: Письмо к редакции // Комсомольская правда. 1954. 17 марта. С. 3.

** Рюриков Б. О богатстве искусства // Литературная газета. 1954. 20 марта. С. 3.

*** ДФА. С. 29 (21 марта 1954).

**** Там же. С. 80 (14 мая 1954).

ности. В своем исследовании статьи «Об искренности в литературе» Дина Спеклер утверждает, что, по Померанцеву, «от писателей нельзя требовать слепого принятия политики партийного руководства. <...> Если отвергнуть партийное определение правды в пользу собственного определения писателя значит выказать нехватку партийности, то следует поступиться таким критерием [соцреализма]»*. Читатель статьи Померанцева, однако, был бы вправе спросить, не передергивает ли такое прочтение авторский тезис. Создается впечатление, что Спеклер основывает свой вывод на дискуссии об Уголовном кодексе в очерке Померанцева: «[Когда следователь был студентом], казалось, что следственная работа состоит в поисках данных и квалификации их по статьям Уголовного кодекса. Но первый же жизненный случай в кодекс не уместился»**. Следователь, однако, на деле не сомневается в кодексе. Вместо этого он приходит к выводу, что кодекс недостаточно всеобъемлющ для того, чтобы включить в себя все многообразие советской жизни. «Причем тут статья Уголовного кодекса! — заключает он. — Она говорит о самогоне, изготовляемом для потребления. А [председатель] изготовляет его для поощрения. <...> Это случай особый, как многое в жизни особо»***. Возможно, Померанцев и придерживался взглядов, приписываемых ему Спеклер, но, если и так, в своей статье он их не выразил.

Дневник Абрамова позволяет нам вынести дискуссию об отношениях между искренностью и верностью доктрине ЦК на более твердую эмпирическую почву. Во-первых, дневник проливает свет на отношение между искренностью и воспринимаемой или предполагаемой на основании слухов позицией ЦК. Например, для редакторов «Нового мира» критика Померанцева предполагала негативную реакцию ЦК на статью Абрамова, и, как результат, редакторов одолевала сомнения насчет ее публикации — не потому, что они были обязательно верны ЦК, а потому, что их волновали возможные последствия публикации. Со своей стороны, в дневниковых записях от февраля и марта о разговорах с заместителем редактора «Нового мира» и коллегой по ЛГУ Александром Дементьевым Абрамов, наоборот, жаловался, что Дементьев и редколлегия действовали со слишком большой оглядкой на политическое руководство. Так, 6 марта он сетует, что редколлегия отложила публикацию его статьи с апреля на май из-за того, что Семен Бабаевский (центральная фигура из тех, против кого была направлена статья) был опять выдвинут в Верховный Совет. «Вот

* *Spechler D. Permitted Dissent in the USSR. P. 22–23.*

** *Померанцев В. Об искренности в литературе. С. 225.*

*** Там же. С. 227.

если бы знать, что же думают на верхах-то о Бабаевском? — сообщил ему Дементьев. — Понимаешь, чтобы просчета не было... Угадать бы как...». «Боже мой, — пишет Абрамов, — какие мелкие людишки»^{*}.

Как и статья Померанцева, статья Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» была гораздо умеренней, чем утверждалось исследователями. Ее в итоге опубликовали в апреле, а не в мае. По всей видимости, редколлегия смогла найти компромисс между тем, что она считала разрешенным и неразрешенным^{**}. После появления статьи Абрамов отметил, что редакторы «[о]бкорнали, сгладили все углы», не согласовав ничего с ним. Но и он сам сгладил по крайней мере пару углов, неизвестно, до или после критики Померанцева: так в конце мая он признает в дневнике, что написал статью «робко и несмело»^{***}. Расходясь с оценкой Абрамова, Поли Джоунз выдвигает тезис, что статья «косвенно возлагала вину за огромный критический и коммерческий успех идеализированных изображений послевоенной сельской жизни на Сталина <...>. В одном пассаже с саркастическим описанием невозможных свершений и невероятно высокого уровня жизни, преподносимых в романах Бабаевского, Абрамов обвиняет автора в том, что тот поддался тем же настроениям неумного оптимизма, что и Сталин, который часто утверждал (напрашивается вывод, что утверждал ошибочно), что советская власть “все может”»^{****}. Однако утверждение Джоунз основано на неверном прочтении статьи Абрамова и цитировании Сталина. В цитате Сталин на самом деле критикует молодые партийные кадры за их уверенность в том, что советская власть «все может», и Абрамов присоединяется к сталинской критике, применяя ее к таким авторам, как Бабаевский^{*****}. Филип Бубьер, придерживающийся иного мнения, пишет, что «с одной стороны, [утверждение Абрамова] было абсолютно ортодоксальным», но все же добавляет (с некоторой амбивалентностью), что «понятие правды,

* ДФА. С. 13 (6 марта 1954).

** Валентин Овечкин, возможно, оказал некоторое влияние на Твардовского по вопросу публикации статьи. См.: Письмо А. Т. Твардовского В. Овечкину от 25 февраля 1954 года // Твардовский А. Т. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 6. С. 429.

*** ДФА. С. 34 (4 апреля 1954), 90 (27 мая 1954). На определенном этапе внесения изменений — когда конкретно, неизвестно — название статьи было изменено с «Огрехи на ниве “колхозной” литературы» на нейтральное «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе».

**** Jones P. “A Symptom of the Times”: Assigning Responsibility for the Stalin Cult in the Soviet Literary Community, 1953–1964 // Forum for Modern Language Studies. 2006. № 2. P. 152–153.

***** Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе. С. 214.

которое большевики использовали в борьбе с царизмом, могло с легкостью быть обращено против них»^{*}.

Но ничего подобного Абрамов не делал. Например, он не видел разницы между позицией, которую он занял в своей статье, и той партийной позицией, которая была озвучена Хрущевым на сентябрьском пленуме ЦК в 1953 году. В начале мая он пишет в своем дневнике, что пафос его статьи — в оценке послевоенной колхозной литературы в свете открытий сентябрьского пленума ЦК^{**}. Его умеренность особенно очевидна во введении, где помещен пассаж о связи статьи с сентябрьским пленумом: «Новым важнейшим вкладом в дело крутого подъема сельского хозяйства является постановление последнего Пленума ЦК КПСС <...> Не остается, конечно, в стороне от всего народного дела и наша художественная литература»^{***}. Далее автор статьи дает лестные оценки таких довоенных сельских романов, как «Бруски» Федора Панферова и «Поднятая целина» Михаила Шолохова. Он отмечает позитивные черты и в произведениях, которые предстоит рассмотреть (романах и рассказах Бабаевского, Галины Николаевой, Елизара Мальцева и других), и уведомляет читателя, что не предлагает исчерпывающую оценку этих текстов.

Но даже с этими оговорками Абрамов, как и его редакторы, все же считал, что статья «Люди колхозной деревни» потенциально «проблемная»^{****}, хотя он и не объяснил почему. Основной причиной для сомнений было, скорее всего, то, что статья перекликалась с обсуждением лакировки действительности в эссе «Об искренности в литературе» и критиковала целый ряд авторов, удостоенных Сталинской премии. Вторая причина, вероятно, заключалась в том, что на протяжении большей части статьи Абрамов медленно сбрасывает с себя дипломатические оковы введения и весьма остро спорит с Бабаевским и другими. Объединяющая черта авторов, являющихся предметом его исследования, объяснял он, — то, как они описывают послевоенную реконструкцию колхозов. В разной степени они осознавали препятствия на пути возрождения советского сельского хозяйства и сельской жизни и остающиеся недостатки. Препятствия включали в себя не только нехватку ресурсов и рабочих рук, но также остатки капитализма, сохранившиеся в сознании колхозников, ведь многие из них предпочитали трудиться на своих приусадебных участках, а не в колхозе, и продолжали поиск альтернативных, не социалистических источников дохода. А колхозники, представлен-

* *Boobbyer P.* Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia. London, 2005. P. 67.

** ДФА. С. 54 (10 мая 1954).

*** Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе. С. 210.

**** ДФА. С. 8 (9 февраля 1954).

ные в этих романах и рассказах, особенно тех, чьим автором являлся Бабаевский, были не только образцовыми гражданами, но и неизменно красавцами и красавицами, с копнами вьющихся светлых волос, безупречно одетыми и говорящими на совершенно правильном русском языке. Все они, казалось, живут в какой-то пасторальной идиллии, неизменно украшенной еженощно лунным светом*.

Считая статью проблемной, Абрамов был прав. Спустя считанные недели после ее появления литературный истеблишмент, равно как и партия, ополчились на нее. На собрании Союза писателей Рюриков и Алексей Сурков, председатель Союза, назвали статью «меньшевистской» и «оппортунистической»**. В конце апреля и начале мая критика стала появляться в прессе. Хоть ни разу и не сравнившись по суровости с критикой на собрании Союза писателей, статьи утверждали, что Абрамов преувеличил негативные проявления в советской жизни и выступил против описания прогрессивных проявлений. Также утверждалось, что он заострил внимание исключительно на недостатках советской литературы или заклеймил ее в целом, таким образом став противником соцреализма. Наиболее влиятельная из статей появилась 25 мая в «Правде». В ней повторялись обвинения против Померанцева и отмечалось, что три другие статьи в «Новом мире», включавшие «Дневник Мариетты Шагинян» Михаила Лифшица, и «“Русский лес” Леонида Леонова» Щеглова, напечатанные в феврале и мае соответственно, вызывали «серьезную тревогу»***. 15 июня статья в «Литературной газете» выдвинула еще более серьезные обвинения, заявив, что четыре статьи дезориентировали советскую молодежь и представляли собой не что иное, как «систематическую атаку» против соцреализма и «выражение продуманной линии» в стиле Перевала****. Впоследствии Фрол

* Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе. С. 211.

** ДФА. С. 45 (27 апреля 1954).

*** См.: Мясников А. Сборник литературно-критических статей М. Горького // Коммунист. 1954. № 6. С. 118–127, особенно 123, 125; Навстречу Всесоюзному съезду советских писателей // Партийная жизнь. 1954. 4 мая. С. 8–14; Трифонова Т. О штопаных рукавичках и литературных схемах // Литературная газета. 1954. 25 мая. С. 3; Сурков А. Под знаменем социалистического реализма // Правда. 1954. 25 мая. С. 2–3; За глубокую идейность и высокое мастерство в творчестве писателей // Ленинградская правда. 1954. 28 мая. С. 2.

**** Улучшить идейно-воспитательную работу среди писателей: На собрании партийной организации московских литераторов // Литературная газета. 1954. 15 июня. С. 1–2. На предмет других статей, см.: Друзин В. За ленинский принцип партийности литературы // Ленинградская правда. 1954. 15 июня. С. 3; За дальнейший подъем советской литературы // Коммунист. 1954. № 9. С. 12–27; Лесючевский. За чистоту марксистско-ленинских принципов в литературе // Литературная газета. 1954. 24 июня. С. 2–3; О критическом отделе журнала «Новый мир» // Литературная газета. 1954. 1 июля. С. 3.

Козлов, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, сообщил Абрамову, что его статья подверглась критике не из-за своего тона и содержания, а потому, что была опубликована в «Новом мире» после статьи «Об искренности в литературе» Померанцева и «Дневника Мариетты Шагинян» Лифшица*.

Если Померанцев заявлял, что писателям следует отклонить критику или игнорировать ее, то Абрамов применил этот принцип к своим критикам и даже распространил его на статью в «Правде», чья критика на шаг приблизила его самого к критике ЦК. «По словам С. [Суркова, автора статьи], статья [Померанцева] вредная, направлена против связи нашей литературы с жизнью, против ленинского принципа партийности и т. д., — писал он 27 мая. — Чистейшая демагогия!»** Со времени смерти Сталина немногие были арестованы за антисоветскую пропаганду (статья 58–10 УК РСФСР). Однако после атаки в «Правде» Абрамов не был уверен, что эта тенденция продолжится***. В первом пассаже записи от 27 мая — первой после выхода статьи в «Правде» — Абрамов уже беспокоится, что может быть арестован, а его дневник конфискован, и обращается к производящим арест сотрудникам КГБ:

Зачем все это я записываю? Иной мерзавец, прочитав мои записки, пожалуй, еще скажет: «Ба! Да ему наша действительность не нравится». Так знайте же: я не хочу другой власти, кроме советской власти. Вне ее для меня нет жизни. Я за нее кровь пролил на войне, умирал с голоду. Но я хочу, чтобы у нас было меньше заблуждений, ошибок и произвола.
Я хочу, чтобы русский мужик жил лучше. Я хочу большой советской литературы****.

Тем летом кампания против «Нового мира» и авторов четырех статей достигла своего апогея. В июле статья в «Октябре» вновь употребила элементы лексики сталинской поры, утверждая, что четыре статьи дали «материал нашим врагам» и являют собой «продуманную линию», похожую не только на линию Перевала, но и на «космополитическую, нигилистическую линию, которую

* ДФА. С. 160 (31 августа 1954).

** Там же. С. 89 (27 мая 1954).

*** По вопросу арестов сотрудников вузов, см.: *Tromly B. Re-Imagining the Soviet Intelligentsia: Student Politics and University Life, 1948–1964*. Ph. D. Dissertation, Harvard University, 2007. P. 288. Согласно данным, приводимым автором, арестов среди сотрудников вузов в 1954 не было.

**** ДФА. С. 88 (27 мая 1954).

проводил в конце 30-х годов журнал «Литературный критик», линию, которая в свое время была представлена группой критиков-антипатриотов»*. 23 июля ЦК принял резолюцию «Об ошибках редакции журнала «Новый мир», осуждавшую четыре статьи как содержащие «серьезные политические ошибки» и «неправильные и вредные тенденции», и заменил Твардовского Константином Симоновым**. На том же собрании, разорвав с литературной политикой сталинской эры, Хрущев объявил, что ЦК не будет делать публичного заявления, и проинструктировал Союз писателей принять и опубликовать «развернутый» аналог резолюции***.

11 августа президиум Союза писателей принял соответствующую резолюцию, которая перекликалась с ранее принятыми решениями ЦК. Резолюция Союза писателей и отчет о собрании 11 августа появились в «Литературной газете» 17 августа****. Резолюция Союза писателей обвиняла Абрамова за его роль в отрицании прогрессивного в советской жизни и непонимание Пленумов сентября 1953 года и февраля 1954 года. 28 августа Абрамов был приглашен на Пленум Ленинградского обкома, на котором Козлов, первый секретарь, отчитал его, используя терминологию резолюции. Во время перерыва в заседании А. И. Попов, глава отдела областного комитета по науке и культуре, найдя Абрамова в коридоре, настоял на том, чтобы тот обратился к Пленуму. Абрамов согласился с неохотой и после перерыва признал выдвинутые против него обвинения.

31 августа Абрамов записал и прокомментировал то, что он сказал в том обращении. Запись обнаруживает выводы Абрамова о понимании позиции индивидуума по отношению к официальной позиции ЦК, нежели по отношению к той позиции, которая существует по слухам или является неофициальной. Как становится ясно из записи, Абрамов не чувствовал себя обязанным принять позицию ЦК. Дабы сделать свое признание удобоваримым для самого себя, он

* Сурков А. Слово писателя (Ко второму всесоюзному съезду советских писателей): идейное вооружение литературы // Октябрь. 1954. № 7. С. 142, 147. Информацию о Лифшице и «Литературном критике», в редколлегию которого входили Лифшиц и Игорь Сац, см.: Frankel E.-R. *Novy mir*. P. 41, 184 п.10–11. О критике Щеглова, появившейся в то же время, см.: Кедрина З. Многообразие жизни и литературы // Литературная газета. 1954. 29 июля. С. 3–4.

** «Едва раскрылись первые цветы...»: «Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 году // Дружба народов. 1993. № 11. С. 231–233.

*** Там же. С. 227–229.

**** О резолюции Союза писателей, см.: В президиуме Союза писателя // Литературная газета. 1954. 12 августа. С. 1; Об ошибках журнала «Новый мир»: Резолюция президиума правления Союза советских писателей // Там же. 1954. 17 августа. С. 3. Об отчете о собрании см.: За высокою идейность нашей литературы! // Там же.

пишет: «Я думал об одном [когда говорил]: помочь партии — если надо, ценой собственного унижения, да что унижения, ценой отказа от истины — не дать торжествовать нашим врагам (в потворстве которым его обвинила июльская статья в «Октябре» и, возможно, сам Козлов. — А. П.). Раз ЦК осудил мою статью, я как солдат партии должен выполнять (не принять или убедить себя в правильности. — А. П.) решение»*.

В пассаже об анализе реакции Козлова на его обращение Абрамов также без обиняков заявляет о своем нежелании признаваться и о геополитической мотивации своего признания. Абрамов думал, что признание успокоит Козлова, но на деле первый секретарь в своем заключительном слове продолжил и усилил свою атаку. Козлов, пишет Абрамов, «глумился, издевался надо мной, назвал мое выступление [с насмешкой] “покаянной речью”. Это признание-то самоотверженное (в этом Абрамов поступился своей правдой во имя партии. — А. П.)! Потом он сказал, что я будто бы был не до конца откровенен, не назвал тех, кто меня направлял. Наконец, потрясая кулаками, он разразился дикими угрозами: я, мол, подрываю советский строй, выступаю против колхозного строя». На тот момент обвинения Козлова были самыми пугающими из всех; они перекликались со статьей 58–10, одна из санкций которой предусматривала смертную казнь, особенно если считалось, что обвиняемый — член контрреволюционной организации**. «И все это с высокой трибуны Пленума, — пишет Абрамов. — Каково мое состояние! У меня было впечатление, что он кричит, обращаясь к разведке: берите его, чего смотрите»***.

Абрамов теперь был больше всего озабочен последствиями обвинений Козлова. После пленума он подошел к первому секретарю и договорился о встрече с ним на следующий день в Смольном — Ленинградском партийном штабе. Его целью, судя по всему, было не только оспорить обвинения, выдвинутые Козловым в заключительном слове, но также выяснить, намеревался ли он включить их в печатный отчет о пленуме в «Ленинградской правде», где обычно публиковались отчеты об областных пленумах. Во время встречи Козлов прояснил или пересмотрел свои первоначальные обвинения: другие вовлеченные стороны не были подельниками Абрамова, скорее им удалось манипулировать им. Таким образом, Козлов утверждал, что Абрамов действовал не по собственной инициативе, что уменьшало его ответственность за его поступки. Насчет обвинений

* ДФА. С. 153 (31 августа 1954). Курсив мой. — А. П.

** *Berman H. J. Soviet Criminal Law and Procedure: the RSFSR Codes.* Cambridge, 1972. P. 23–24.

*** ДФА. С. 153 (31 августа 1954).

в том, что Абрамов противостоял совхозам и колхозам, Козлов пояснил, что просто хотел сделать из него пример для «некоторых [не-названных] стариков». С облегчением Абрамов все же настоял, что только он один был ответственен за статью, и заявил, что ему не нравится, когда из него делают пример, особенно если это делает первый секретарь на пленуме обкома. Козлов сменил тему и, отступив к обвинениям в резолюциях, спросил Абрамова, была ли его статья «ошибочной» и «вредной», на что Абрамов ответил утвердительно. Перед уходом он спросил Козлова, намеревается ли тот опубликовать свое заключительное слово. «Нет, — ответил Козлов. — Только то, что было сказано в [первоначальном] докладе». «Спасибо, — ответил Абрамов. — Ободрили меня. А то хоть вешайся»*.

Если Абрамов и поблагодарил Козлова, покидая его кабинет, в дневнике он отнесся к нему весьма критически, еще больше демонстрируя, насколько он разошелся если и не с ЦК (в этом случае), то по крайней мере с ведущими партийными руководителями. Отчет Абрамова о встрече более «литературен», чем предыдущие части записи того и предыдущих дней. Литературность начинается с самой темы — разговора между «наставником» и обычным гражданином или рядовым коммунистом, что, как пишет Кларк, иногда являлось кульминацией романа в жанре соцреализма**. В соцреалистическом романе, объясняет Кларк, автор преподносит наставника в качестве положительного героя — радеющего за массы, терпеливого слушателя, прямого и четкого в разговоре, чье благословение является апофеозом перехода собеседника от стихийности к сознательности***. Абрамов, однако, преподносит Козлова по-другому:

Едва я вошел в кабинет, как Козлов молодецкато встал из-за стола и, мягко ступая по ковру, пошел ко мне навстречу, приветливо улыбаясь и протягивая обе руки для пожатия. Белые зубки, холеное, напудренное лицо, мягкие, вьющиеся волосы, над которыми немало потрудился парикмахер, тщательно отутюженный костюм, как у эстрадного артиста, голубенькая сорочка и цветастый галстучек, стильный. Вся его внушительная, франтоватая фигура выражала довольство.

В первом предложении Козлов молодецкато, энергичен, мягок и приветлив, как и подобает партийному лидеру в советском романе. Во втором и третьем, однако, он франтоват и самодоволен, что за-

* Там же. С. 156–160 (31 августа 1954).

** Clark K. The Soviet Novel. P. 173.

*** Там же. P. 36, 39, 41.

ставляет взглянуть на первое предложение как описание аффектации. Абрамов замечает «странное несоответствие между его почти совершенно седыми, с высокими зализками на висках волосами [что придает ему определенную солидность] и совершенно гладким лицом, которое высокие думы и заботы не избороздили морщинами» *. В соцреалистической традиции принято представление персонажей так, что внешние характеристики отражают внутреннюю природу. Абрамов замечает второе, более психологическое несоответствие — между мыслями Козлова и его поведением, когда он публично обличал Абрамова в своем заключительном слове: «Обрушивая на меня немислимые обвинения с высокой трибуны, Козлов потрясал кулаками. Но странное дело: за этим жестом я не видел ни сильного гнева, движимого большой страстью, ни убежденности» **. Портрет отличает Козлова от его предшественника на посту первого секретаря Ленинградского обкома, С. М. Кирова, убитого в 1934 году, и изображает деградацию партийного руководства: «Я посмотрел на Козлова и думал: где же огромная гривастая голова Кирова с его упрямыми, словно высеченными складками на лице, где пламенная речь трибуна?» ***

Последние три абзаца записи, в которых Абрамов описывает, как он покидал здание Смольного, также прибегают к многозначительным соцреалистическим условностям. По правилам эстетики, конец должен быть оптимистичен и преподносит протагониста новым человеком. Зачастую он не более чем эпизод, где надежда на светлое будущее лучезарно контрастирует с фоном серого настоящего****.

Выйдя из Смольного, я остановился перед памятником Ленину.

Маленький, земной человек на непомерно высоком цоколе истории. Энергично выкинутая вперед рука, рот, разъявленный страстным криком, куцо поставленные короткие ноги и кепчонка в другой руке.

Хороший памятник! Очень хороший памятник!*****

Эти три абзаца — выражение облегчения и стойкой верности партии, которую олицетворяет Ленин и из которой Абрамов боялся быть исключенным. Однако они также кажутся оппозиционными —

* ДФА. С. 155–156 (31 августа 1954).

** *Robin R. Socialist Realism: An Impossible Aesthetic*. Stanford, 1992. P. 252.

*** ДФА. С. 156 (31 августа 1954).

**** *Robin R. Socialist Realism*. P. 272; *Clark K. The Soviet Novel*. P. 107–108, 173–176.

***** ДФА. С. 160 (31 августа 1954).

не партии как таковой, а тому, как она относится к людям вроде Абрамова, озвучивающим ту самую правду, которая кажется больше ненужной ЦК. В двух более ранних дневниковых записях Абрамов уже восхищался Лениным за то, что тот всегда говорил правду, даже когда советской России угрожали силы извне. «Ленин <...> в самую тяжелую годину для молодой республики говорил правду, — пишет он в одной из них, — а мы не можем говорить о наших недостатках в полный голос сейчас. Почему?»* Если Ленин — «маленький, земной человек», сыгравший неподдающуюся измерению роль в истории (именно в этом, очевидно, смысл абрамовской метафоры, приведенной выше), то Абрамов, тоже маленький и обыкновенный, хотел выразить то, что он продолжал считать правдой, тем самым сыграв если и не неизмеримую, то по крайней мере какую-то роль в истории.

Мы должны быть осторожны, дабы не преувеличить расхождения Абрамова и ЦК по поводу того, что является правдой. Действительно, он полагал, что в своей статье он написал то, что хотела партия (что вовсе не умаляет прочувствованности написанного для него самого). Написанное также казалось Абрамову тем, во что, несмотря ни на что, все-таки верило само партийное руководство, которое просто отказывалось огласить свои убеждения, дабы, как он сформулировал, объясняя мотивы своего признания вины, «не дать торжествовать нашим врагам». Следовательно, выражение Абрамова одновременно консервативно и прогрессивно: консервативно в том, что оно было созвучно с позицией партии, и прогрессивно в том, что оно бросало вызов пониманию ЦК о том, как иностранные враги могли бы использовать его статью, то есть бросало вызов его авторитетности в установлении истины. Если, как утверждает Спеклер, искренность позволяла отказаться от правды партии, то в случае Абрамова это довольно мягкий, неочевидный отказ.

Если три абзаца о памятнике Ленину были декларацией принципов, то признание Абрамова можно считать аморальным. Чуть ранее в пассаже, между анализом пленума и встречи с Козловым, Абрамов включил отступление, суммирующее его ощущения в момент составления дневниковой записи. Его признание, пишет он, было неэтичным:

Да, напрасно я выступал, напрасно сознавался в том, в чем не виноват. В резолюции сказано, что я огульно охаиваю советскую литературу, выступаю против всего передового и защищаю все старое, что я не понял постановлений ЦК по вопросам сельского хозяйства и т. д.

* Там же. С. 81 (14 мая 1954). Для других примеров, см.: С. 96 (27 мая 1954).

Неправда все это! Где, когда я выступал против передового, в защиту старого? Я выступал против плохого изображения передового.

Какой позорище! И кому нужно было мое выступление?

<...>

Нет, не надо было выступать с покаянием. Теперь все будут плевать мне в лицо. Да и сам я первый плюну*.

Сожаление Абрамова не означает, что ему больше не интересно помогать партии или что, признаваясь, он лгал самому себе, думая только «об [этом] одном». Скорее, оглядываясь назад, он заключал, что, отрекшись от правды, он не помог партии. Далее он признает наличие дополнительного мотива: «Проклятый роман! Это для тебя я пожертвовал своей честью»**. Он признался потому, что боялся за свою работу в ЛГУ, которая не только кормила его, но также давала необходимое свободное время для работы над книгой, которой предстояло стать романом «Братья и сестры». Если искренность позволяла Абрамову усомниться в ЦК, то как принципиальный писатель он оказывался в весьма затруднительном положении: если он хотел написать свой роман, ему предстояло выразить не просто идеи, которые были ему безразличны (практика, осуждаемая Померанцевым), а идеи, в которые он никоим образом не верил.

Необходимость для писателя, желающего работать и публиковаться в постсталинском СССР, поступиться, говоря словами Абрамова, «своей честью» хорошо известна. Настоящее эссе попыталось исследовать характер позиции, требующей подобной перемены — то расстояние, на которое писатель, приверженный идее искренности, отошел от партийного руководства во время первой «оттепели». С точки зрения декларируемой истины, он отошел не так далеко, но его смещение источника правды от ЦК к обычному гражданину было шагом качественно иного масштаба.

* Там же. С. 154 (31 августа 1954).

** Там же. С. 155 (31 августа 1954).